

І. ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ПРАВА

УДК 340:378.147

А.К. ЧЕРНЕНКО

МОДЕЛИ ДЕМОКРАТИИ: ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ

В статье автор проводит анализ смены основных человеческих ценностей на рубеже веков. Особое внимание уделяется ценностям демократии как формы государственного и политических режимов.

Ушедший век был веком экономического прогресса, исторических катаклизмов, разрушительных войн. Он был наполнен «нестандартными» событиями и парадоксальными явлениями. Особый, пожалуй, интерес вызывает событие, которое пока, как нам кажется, в полной мере не осознано, — *смена* основных человеческих ценностей. В прошедшем веке и начале XXI в. произошла на первый взгляд малозаметная, а на деле существенная *переориентация общедемократических ценностей*.

Чтобы понять суть и смысл этой переориентации, следует вспомнить, какими ценностями и идеями вдохновлялись Французская и Русская революции. Этими ценностями были: свобода, равенство, братство, справедливость. Именно они придали мощный заряд энергии демократическим преобразованиям во всем мире. Они ознаменовали общецивилизационный прогресс первой половины XIX в. и начала XX столетия. Однако в дальнейшем госпожа История распорядилась иначе: постепенно, но с завидной последовательностью она стала «перегруппировывать» ценности. Правовое государство и само право как созидательное начало общественной жизни лишились того ореола и ценностного звучания, которое они имели в глазах поколений, воспитанных на идеях Французской революции. В начале XX в., анализируя это явление, известный русский юрист П.И. Новгородцев пришел к выводу: «Мы имеем все основания утверждать, что это — кризис правосознания»¹.

Действительно, на первое место выходят ценности демократии как формы государственного и политического режимов, что же касается справедливости, свободы, равенства, правового государства, то эти ценности ушли как бы в *тень*, на *периферию* концепций демократии. В то же время нельзя считать, что все это происходило революционным путем, как резкий, скачкообразный переход от одних социальных и правовых ориентиров к другим или что ценности XVIII–XIX вв. исчезли, подверглись «зряшному» отрицанию. Хитрость Истории проявилась в том, что она придала этому процессу *скрытую* форму. Внешне все выглядело (и сейчас еще выглядит) вполне благопристойно: демократия — как более высокая ступень развития цивилизации — вбирает в себя идеи правового государства, справедливости и равенства. Отсюда ясно, почему наиболее распространено представление о современности не как об эпохе правового государства, права и справедливости, а как об эпохе демократии.

Что же произошло в результате произведенной перегруппировки ценностей? С одной стороны, эти изменения придали как бы второе дыхание демократии, превратив ее в интегральный феномен социально-правовых ценностей, в «реаль-

¹ Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М., 1996. С. 22–24.

ную справедливость», а с другой — что весьма часто забывается — заметно *ослабили* действие фундаментальных ценностей. Ведь никто не сможет отрицать, что свобода, право, справедливость, равенство, безопасность имеют свое автономное значение, свое специфическое содержание, которое по самой их общечеловеческой природе не может и не должно быть периферийным даже в рамках демократии. Более того, на наш взгляд, произошло *смещение общего и особенного*, т.е. более фундаментальные критерии (такие как справедливость, равенство, свобода), которые должны лежать в основании демократических ценностей, критериями оценки оказались подчиненными элементами последних. К чему привела такая переориентация ценностей? К тому, что демократия вольно или невольно стала утрачивать главные *критерии оценки* самой себя. Ибо она не может черпать их из своего же собственного содержания: содержание демократии, ее признаки как раз и есть то, что требуется оценить с более глубоких цивилизационных ценностей. Для этого нужны иные, более фундаментальные критерии, и прежде всего степень развития свободы, права, справедливости и равенства. Это обстоятельство в конечном счете и привело к деформации самой демократии. Произошло то, что и сегодня «является тайной». Демократия, вобрав в себя ценности предшествующей эпохи, с одной стороны, укрепила свои позиции, а с другой — утратила стратегические ориентиры саморазвития, способы очищения от всего наносного и обветшавшего, что ослабило ее иммунную систему. Во многом этим объясняется то, что в Восточной Европе, Африке и России имевшая место в последние годы коренная ломка социально-экономических, политических и правовых структур, а также переход по существу к стихийному рыночному ведению хозяйства были произведены без четкого представления о строе, который предполагается создать. И, как показывает опыт, размытость политической и правовой стратегии — серьезное препятствие на пути к реальному демократическому переустройству. Еще раз стоит сказать, что это явилось следствием эйфории и иллюзии о демократии, о том, что якобы демократия и рынок автоматически решат все проблемы и не потребуются разработка и осуществление социального проекта общества. В результате этого получили развитие такие чуждые природе истинной демократии явления и процессы, как утрата нравственных ценностей, лавинообразный рост преступности, межэтнические и межнациональные конфликты, социальная напряженность и хаос.

На наш взгляд, для того чтобы более научно подойти к анализу проблем демократии и ее ценностных характеристик, следует проанализировать *модели демократии*. В этом плане правомерно возникает вопрос — существует ли типология моделей демократии? Да, существует. Она, по нашему мнению, представляет собой разделение общего потока демократических реалий на *два типа*, что нашло свое отражение в двух моделях или школах мысли и направлений борьбы. Одни понимают демократию как чистый механизм управления государством, лишенный каких-либо социальных и исторических целей, другие, напротив, видят в ней не столько институциональное устройство, сколько проект общества, который должен способствовать прогрессу как личной, так и коллективной самоорганизации всех граждан. Иначе говоря, речь идет о *формальной* и *сущностной* демократии: демократии как *совокупности процедур* (процедурная демократия) и как *ценности* (ценностная демократия),

основой которой являются цели, фундаментальные ценности (свобода, равенство, справедливость).

Каковы же основные черты и свойства этих моделей демократии? Ответ на этот вопрос принципиально значим для понимания *специфической природы, способа функционирования* демократии и соответственно *способов функционирования права*. Итак, первая концепция — это концепция формальной, или процедурной, демократии. Согласно этой концепции демократия представляет собой совокупность институтов, процедур, охраняющих общество и отдельного гражданина как от диктатуры меньшинства, так и от тирании большинства. Эта демократия предстает как защитный механизм и форма минимального государственного вмешательства. Ее истоки уходят в эпоху американской революции. Основное назначение ее — согласование воли большинства и права на свободу отдельной личности. Поэтому значительную роль в ней играет соблюдение социальных и правовых технологий, правил и процедур формально-юридического характера.

Вторая модель — это модель сущностной, или ценностной, демократии. Эта демократия прямо противоположна процедурной ее форме. Ценностная демократия берет свои истоки во Французской и Русской революциях — «это линия, ведущая от Робеспьера к Ленину»². При этом основной смысл демократических преобразований видится в провозглашении и отстаивании таких ценностей, как свобода, равенство, справедливость. Исключительная роль придается конструированию проекта общества, способного претворить эти ценности в жизнь. Что же касается процедурной стороны этой демократии, то она оказывается всего лишь средством достижения проектной цели. Поэтому институциональные формы: процедура разделения властей, способ представительства и характер участия и т.д. — в сравнении с более высокими ценностями вторичны, они несут вспомогательные ценности демократического процесса.

В то же время, несмотря на принципиальное различие между описанными моделями демократии, обе они суть модели *демократического общества*. Этот вывод должен быть положен в основание *непредвзятого и взвешенного* анализа противоречий современной демократии и права.

Иная точка зрения стала популярной, особенно в постсоветское время, причем не только среди политиков и ученых Запада, но и среди наших, отечественных правоведов и политологов. Она сводится к тому, что демократия XX в. не глобальна, а локальна, так как зона ее действия охватывает только Западную Европу и Северную Америку. Но можно ли считать эту точку зрения единственно верной? Если да, то придется признать, что XX в. — это век локальной демократии, которая имеет, по существу, везде одно лицо и стерильно чистую форму, т.е. форму западного и американского образца. Однако даже последовательные приверженцы такой точки зрения не считают, что все обстоит так просто. «Чтобы убедиться в этом, — рассуждает Ги Эрмэ, — достаточно вспомнить, какой трудной стала дискуссия о демократии после 1917 г., когда это понятие оказалось аннексировано теми режимами, которые мы теперь характеризуем скорее как диктаторские или даже тиранические... Большевицкая революция в России претендовала на подлинную «реальную» демократию в противовес лживым, «формальным» представительным институтам «буржуа-

² Эрмэ Г. Культура и демократия. М., 1994. С. 22.

зии»... Затем, после 1945 г., различные явно авторитарные правительства принялись склонять на все лады слово «демократия», подавая его, конечно, под своим собственным соусом. Возникло множество «народных», «социалистических», «национальных», «африканских» и прочих демократий с различными оттенками левизны»³.

Словом, с 1917 г. дискуссии о демократии стали трудным делом. Почему? Потому что возникла новая, непривычная для старой демократии, форма «реальной» демократии. Она открыла исторический простор для других ее форм и модификаций. Спору нет, не все они отвечали классическим ее стандартам и ценностям, а кое-где «под ее соусом» проводили и проводят антидемократическую политику. Но этот факт не может перечеркнуть начавшегося в начале века лавинообразного и всемирно-исторического процесса демократизации жизни. Здесь нет возможности обстоятельно проанализировать все формы государственно-правового, национального, регионального, этнического ее своеобразия. Известно, что многие страны, в том числе и Россия (советский период), при всех искажениях «формальной» демократии все-таки осуществили прорыв к «реальной» демократии: *равенству мужчин и женщин, сокращению разрыва между уровнями жизни богатых и бедных, созданию общенациональной системы образования и здравоохранения и пр.* Эти факты не замечать или отрицать невозможно, если, конечно, стремиться к полной объективности, хотя сегодня, как известно, такие попытки имеют место.

Вместе с тем придется признать: опыт XX в. показал, что западный образец демократии также не застрахован от критики. Поэтому интересен и объективен, на наш взгляд, вывод, который делает в результате исследования демократии и справедливости известный немецкий исследователь О. Хёффе: «Исторический опыт, однако, учит нас скепсису, напоминая о таких вещах, как рабство в Соединенных Штатах, национал-социализм в Германии (выдвигавший притязания на истинный демократизм), да и — пусть со значительными оговорками — о феномене государственной церкви в Швеции или о том, что в Швейцарии вплоть до семидесятых годов нашего столетия сохранялся запрет на создание организаций и монастырей иезуитов»⁴. К слову говоря, мы и сегодня встречаемся с такими притязаниями на «истинную демократию». Разве не об этом идет речь, когда президент США Буш заявляет, что Грузия с приходом к власти Саакашвили является маяком демократии?

«Стало быть, демократия сама по себе еще не отменяет “основного правила политической грамматики”, согласно которому тот, в чьем распоряжении достаточно власти, чтобы осуществить справедливость, располагает и достаточной властью, чтобы идти против справедливости»⁵.

В любом случае можно сделать вывод, что демократия сама по себе не может быть необходимым и достаточным условием обеспечения и защиты прав человека. Следовательно, суть дела (как нередко полагают) вовсе не в том, какую степень развития получила демократизация жизни или каковы ее формы, какие впереди — капиталистические или социалистические — ориентиры и

³ Эрмэ Г. Культура и демократия. М., 1994.

⁴ Хёффе О. Политика, право, справедливость: основоположения критической философии права и государства. М., 1994. С. 292.

⁵ Там же.

какие отстаиваются ценности, а в том, идут ли реальные демократические процессы или нет, вовлечено ли в управление государством большинство населения, *становится ли человек подлинным субъектом своего бытия* или нет, ориентированы ли отношения между людьми на ценности *справедливости, равенства* или нет.

Иначе говоря, первая задача исследователя — это выявление основных, фундаментальных или, как сегодня принято говорить, «минимальных» характеристик *демократизации* социальных отношений.

С нашей точки зрения, такая позиция дает ключ к пониманию всей проблематики демократии и права, обнаружению прогрессивных и регрессивных тенденций их развития. Объективная диалектика убедительно свидетельствует в пользу такой позиции. В самом деле, реальность исторического развития XX в. и начала нашего века — это *сосуществование* двух противоположных социальных систем, базирующихся на *двух концептуальных моделях демократии и права*. Но вместе с тем история предстает перед нами как *единый*, хотя и противоречивый, естественно-исторический процесс эволюции демократии. Поэтому утверждения, что демократизация жизни не имеет глобального масштаба, означают, что демократия противоречит самой себе, ибо отказывается от своих главных принципов: открытости и терпимости к многообразию форм. Кроме того, такой отказ принижает значение всего исторического опыта, накопленного человечеством за прошедшие сто лет. Это во-первых. А во-вторых, исторический опыт убеждает в том, что каждая форма демократии относительна, а не абсолютна в качестве гаранта прав и свобод человека, претворения в жизнь принципов справедливости и равенства.

В этом плане следует согласиться с точкой зрения, активно внедряемой в наше время, о том, что демократия носит суверенный характер, на основе которой формируется модель суверенной демократии. Поэтому обычно приводимые аргументы «за» и «против» той или иной модели демократии имеют весьма условный характер. Естественно, в данном случае не идет речь об авторитарных и диктаторских режимах.

Итак, опыт развития демократии и права в XX в. позволил по-новому увидеть их взаимодействие. Чему же учит нас этот опыт? Тому, что необходимо различать собственно демократию как форму государственного устройства и демократию как осуществление проекта общества, основанного на таких ценностях, как справедливость, свобода и равенство. История показала, что тоталитарная демократия, примером которой является фашистская форма «демократии» не только вбирающая в себя, но и нивелирующая эти ценности, не может считаться истинной демократией, потому что свобода, справедливость и равенство присущи демократии более высокого ранга. Еще Руссо отмечал, что демократия становится оптимальной формой государства лишь при соблюдении определенных дополнительных условий, в частности равенства всех граждан в социальной и экономической сферах общества.

Сегодня становится все более ясно, что проблемы демократии и права могут быть решены путем интеграции их как ценностных начал современной цивилизации. Интеграция в данном случае есть *эффективный* способ, который позволяет избежать кризиса и саморазрушения демократических институтов и сформировать новую модель демократии XXI в. — *правовую* демократию.